Почти замужняя женщина к середине ночи

Автор:
Анатолий Тосс

Почти замужняя женщина к середине ночи

Анатолий Тосс

Что можно хотеть от женщины, которая решила выйти замуж? Да еще к середине ночи? Да еще не за тебя?

Что можно хотеть от другой женщины, которая выступает на театральной сцене? Да еще когда ты сам сидишь в зрительном зале? Да еще во время спектакля?

Что можно хотеть от третьей женщины, которую встретил в вечернем клубе? Ну, это понятно! А вот что можно хотеть от мужчины, встреченном в том же вечернем клубе? Вот это – непонятно совсем!

А что они все могут хотеть от тебя?

Анатолий Тосс

Почти замужняя женщина к середине ночи

Всем, вкусившим радость, посвящается

Глава 1

Шесть часов до кульминации

– Розик, а чего это здесь столько нарядного народа толпится? Уж не праздник ли поблизости? – обратился ко мне мой старый кореш Илюха Белобородов.

Я оглянулся, осмотрелся – действительно, вокруг было много радостных лиц, и все в предвкушении.

– Простите, – тут же обратилось к нам воздушное девичье существо, – у вас лишнего не будет?

– Лишнего чего? – попытался уточнить у нее Илюха, но разочарованная в нем девушка уже полностью потеряла интерес.

– Какого «лишнего» ей надо было? – перевел на меня вопрос Илюха.

Я подумал, прикинул и догадался: где-то поблизости, очевидно, расположился театр.

И действительно: уже смеркалось, стрелки крупных уличных часов затормозили посередине, где-то между шестью и семью. Нарядные люди мелкими разноцветными стайками стекались со всех сторон, лица их были полны ожидания, глаза блестели, излучая готовность к неограниченному духовному удовольствию.

– Похоже, стариканер, мы на театр наткнулись. Прямо на самый парадный вход, – пояснил я наконец недогадливому своему товарищу. – А театр для некоторых, он самый что ни есть праздник.

– Надо же, сколько в городе свежих театров за последнее время напекли. Просто не счесть, – удивился Илюха. – Еще недавно я почти все на память знал, даже первый состав мог перечислить, а сейчас от их избытка совсем запутался. Что ни особняк, что ни памятник архитектуры девятнадцатого века, то театр. Если не «Академический», то «Экспериментальный». На худой конец, «Школа-студия». Да и понятно, каждый, кто из прежнего первого состава, теперь свой театр норовит завести. Вот им и выделяют.

– Где они столько артистов берут? – вслед за Илюхой удивился я.

– Да ладно, артистов. В наших краях каждый житель в своем роде артист. Но вот откуда столько зрителей набирается? Может, у нас население на самом деле на сценическое искусство такое падкое? Или все же не набирается?

Я огляделся, посмотрел на молчаливо кружащих вокруг нас девушек, на их глаза, полные мольбы, и предположил:

– Да, похоже, набирается. Ты посмотри, сколько желания у них в глазах. Я такого коллективного желания в одном месте давно не встречал. От него просто воздух электризуется. Чувствуешь поле?

Илюха принюхался, прислушался, присмотрелся и поле почувствовал.

– Ну да, – согласился он. – Теперь понятно, чем обилие симпатичных девушек объясняется. Более того, понятно, какое именно «лишнее» им требуется. А у нас ведь наверняка лишних билетиков нет. Или есть? – посмотрел на меня вопросительно Илюха.

– Нет, – покачал головой я. – У нас вообще никаких нет.

– А жаль, надо всегда при себе парочку лишних билетов иметь. По всему выходит, что это самый надежный способ съема девушек на улице. И со стороны не нагло выглядит, а наоборот, вполне добропорядочно. К тому же у тебя еще право естественного отбора имеется, и отобрать можно самую качественную театралку. – Тут он оглядел группки снующих девушек; из некоторых качество так и выпячивалось наружу, так и бросалось в глаза. – И на отказ ты никогда не нарвешься, лишь на искреннюю сердечную благодарность. А благодарный человек, он ведь часто ее выразить пытается…

– Да, жаль, что нет билетиков, – последовал я за Илюхиной фантазией, представив благодарность.

– А потом ты с ней на пару часов почти что наедине остаешься на соседних театральных креслах и разделяешь в удовольствии общее для вас обоих действие. А разделять, особенно в удовольствии, как известно, сближает,

роднит душами… Может, достанем где-нибудь четыре билетика? – перевел тему из области мечтаний в область прагматики Илюха. Потому что именно два этих качества – прагматизм и мечтательность – он в себе удачно совмещал и легко переходил от одного к другому.

– Вряд ли, – засомневался я. – Сами мы, конечно, попасть сможем, но вот девушек с собой провести, вряд ли.

– Плохо, – выразил Илюха наше общее мнение и снова вернулся в область мечтаний: – А в антракте она захочет впечатлениями театральными поделиться, возбуждение свое эмоциональное наружу выплеснуть. Вот ты под ее горячий эмоциональный всплеск и попадаешь. Да и в театральном буфете не одни бутерброды с колбасой выдают… И вот во время второго отделения она снова рядом с тобой, но уже разгоряченная вся, не только от сценического искусства, но и от шампанского полусладкого. Да и ты нашептываешь ей взволнованно-интимно на самое ушко, проникая в нее дыханием… А потом, после спектакля и бурных обменов впечатлениями по поводу режиссуры, игры актеров, она, разрумянившаяся, может быть, и станет тебе…

Тут Илюха вздохнул мечтательно и снова совершил переход в прагматическую действительность:

– Да, надо будет постоянно с собой лишние билетики таскать. Так ты говоришь, сами мы сможем туда попасть? Я имею в виду, в праздник? В театр?

– А почему бы и нет? – удивился я. – Почему нам лишать себя праздника? Времени у нас навалом, а с билетами как-нибудь решим.

– Раз ты так говоришь, значит, решим. Это ведь как раз по твоей части. А ты у нас по своей части специалист, – выказал ко мне доверие Илюха.

– Да ладно тебе, – польщенно отмахнул-ся я. – У каждого из нас своя часть имеется.

– Ну так, значит, пойдем, оценим драматическое искусство, – решил Илюха, и мы снова оглянулись на круглые уличные часы. На которых времени еще было предостаточно, хоть карманы им набивай, хоть за пазуху складывай.

Мы еще покрутили головами и обратили внимание на продуктовую палаточку, которая от театра совсем невдалеке находилась.

– Зайдем, – кивнул мне на палаточку Илюха, и мы бодро к ней направились.

Потому что театр – он же храм, пусть и Мельпомены. А в храме надо, чтобы душа твоя оказалась раскрытой нараспашку, чтобы оторвалась она и попархала вперемешку с другими воздушными душами, наполнилась божественной амброзией искусства… А как ей, бедной, оторваться, если она весь день затюканная, зажатая, запеленатая, как младенец, внутри отсиживалась. И от всех стрессов, всех этих рабочих да семейных передряг носика своего аккуратненького, курносенького высунуть наружу не смела.

– Вот и требуется ей подмога, стариканер, – разделил со мной простую мысль Илюха уже внутри палаточки, указывая продавщице на плоскую фляжку коньяка. Плоскую, но крупную.

– А соломинки у вас, случаем, не найдется? – попросил я у продавщицы, потому что из горла в интеллигентном театре было как-то не удобно. Особенно перед артистами.

– А вы чего, коньяк из соломинки будете сосать? – засмеялась веселая продавщица, но все же крикнула куда-то в подсобку: – Мань, а у нас соломинок нет?!

– Что у нас тут, стога, что ли, на заливных лугах? Или мы сами буренки? – тоже пошутила из подсобки Маня, и тут мы уже все вместе засмеялись. Потому что буренками они никак не были, так как были совершено пергидрольно крашенными.

– Вот одна только есть, – достала соломинку из нагрудного кармана продавщица. – Для себя припасла, так, на всякий случай. Но раз вам нужнее… – протянула она ее нам. И мы от всего сердца поблагодарили ее за доброту.

А потом не спеша стали возвращаться к театральному парадному подъезду, пригубливая уже на ходу. А как пригубили, так празднично нам стало, что вообще соответствует общей театральной атмосфере.

Ведь на самом деле театр – праздник, и многие, особенно находящиеся в ожидании женщины, к нему, как к празднику, тщательно готовятся – головы, как они говорят, «приводят в порядок» в смысле разных причесок и прочей косметики.

Или вот туфли с собой на модных шпильках в отдельных пакетиках приносят. Не только чтобы не повредить блестящий паркет повседневными весенними сапогами, а чтобы и выглядеть со стороны, и чувствовать изнутри на одной высоко звучащей ноте.

Я, например, всегда любил наблюдать, как они, стоя, подпрыгивают на одной ножке, пытаясь вдеть другую в узкую, всегда элегантную туфлю. Прям как девочки во дворе в классики играют.

Я вообще давно заметил, что наша обыденная жизнь значительно сексуальнее, чем мы о ней думаем. Просто присматриваться следует повнимательней.

Тут мы снова посмотрели по сторонам, на театралок с их взволнованными, полными надежды взглядами, на уличные часы с часовой стрелкой недалеко от цифры «семь» и вообще на весь остальной сгущающийся окружающий вечер.

Стояла ранняя весна – где-то между концом марта и началом апреля. Снег уже сильно полинял, обернувшись частично бойкими ручейками, и хотя все это волновало тревожными весенними запахами, но все равно пронизывало зябкостью да промозглостью. А раз так, то соломинка снова приникла сначала к моим, потом к Илюхиным губам, и слабо коричневатая жидкость заметно потекла по ее полупрозрачным округлым стенкам.

Хочу сразу оговориться: к пьянству наша театральная подготовка не имела никакого отношения. Ни к пьянству, ни тем более к пьянству запойному. Мы вообще не запойные совсем. Скорее наоборот. Мы просто стремились только к состоянию легкого подпития. Опять же праздничного.

Потому что состояние подпития, особенно перманентного, бесперебойно растянутое на долгие часы и минуты, – оно состояние особенное. Ты и не пьян совсем, но и на мир окружающий смотришь совсем другими, куда как более открытыми глазами. Особенно на мир театральный.

– Понимаешь, – развил Илюха раннюю весеннюю мысль, – тут главное – баланс не нарушить. Хрупкий баланс подпития. Балансы, они по определению – хрупкие, но человеку к ним всегда стремиться следует. Потому что любой баланс – гармония.

Тут ему пришлось приостановить свою речь и отвлечься на еще одно воздушное создание, заглянувшее нам прямо в глаза по поводу «лишнего». Илюха только вздохнул тяжело от безысходности. Потом вернулся к теме:

– Я вообще давно заметил, что некоторые люди, особенно девушки, которые обычно зажаты по жизни… Ты же знаешь, бывают зажатые девушки. Даже не жизнью зажатые, а разным: родительским воспитанием, детским садом, школой, правилами всякими приличными. Да и жизнью, конечно. И не могут они, даже когда выросли давно, разжаться в бытовом, будничном общении. Может, и хотели бы, но не могут. Так они постоянно следят за собой, за движениями своими, словами, за действиями. И плохо им от такой собственной бдительности. Самим плохо.

– Ну, – напомнил я о себе.

– Так вот, их, например, вообще надо в постоянном подпитии поддерживать. Чтобы разжались они. Знаешь, как им всем расслабленность на пользу идет? И как они потом благодарны тебе за нее становятся?

– Так как поддерживать их? – спросил я. – Подливать, что ли, постоянно?

– Да по-разному можно, – уклончиво ответил Илюха, как будто не хотел открывать мне всех своих секретов.

Но он хотел. Если бы я спросил, он бы открыл, не было у него от меня секретов. Просто я не спросил.

Глава 2

Пять с половиной часов до кульминации

Потому как цифры на уличных часах короткой своей стрелкой уперлись в цифру «семь», а тонкой показывали упорно на географический север. А значит, пора было приступать к боевой операции по проникновению в театр.

Хотя, если честно, была она совершенно не боевая и даже не совсем операция – так, плевая привычная рутина. Которая ни мастерства не требовала, ни изобретательности, ни тщательно подготовленного плана, как требовали некоторые другие наши филигранно отработанные операции (Читай, например, «Попытки любви в быту и на природе»). Нет, эта даже напряжения творческого не требовала.

А все потому, что обладаю я одним небольшим, но редким талантом – некоторые деятели культуры и прочие связанные с ними администраторы принимают меня за кого-то из своих. И всюду пропускают. То ли я им кого-то напоминаю, то ли у меня просто внешность такая типажная, но они меня постоянно с кем-то путают. Даже не с кем-то конкретно, а просто с общепринятым образом, может быть, актера, а может, и режиссера – я не выяснял, не знаю.

Просто овал и черты моего лица совпадают с их представлением о неком усредненном образе «деятеля различных культур». И вот начинают они тужиться и напрягаться, и припоминать, и уже близки порой, но все равно не могут до конца… И ругают за это свою короткую память.

Иной скажет: «Во, повезло парню с талантом». А я отвечу: «Тоже мне, талант». Нет чтобы я членам кремлевского аппарата кого-то родного напоминал и они меня пускали бы всюду, куда сами запросто заходят без стука. Или хотя бы ребятам из московской мэрии со всеми их новостройками в центре. Ну, а если не столичным молодцам, то можно и нормальным мужикам из Нефтекамска напоминать. Именно кого-то близкого и родного, кто чувства добрые пробуждает. И у кого тоже хочется пробудить добрые чувства.

Так нет, только над деятелями культуры и над театральными администраторами власть моя простирается. Да и то шаткая, призрачная, нематериальная. Будто я Гарри Поттер какой, только значительно старше. Даже обидно за собственную мелкоту. Подумаешь, билеты в театр или на еще какое культурное представление. Я и бываю там, лишь когда случай представится. Вот как сейчас.

Мы еще раз отглотнули напоследок из соломинки, закрутили горлышко винтовой крышкой и уложили плоскую бутылочку сохранно во внутренний карман приличного Илюхиного пиджака. И ринулись на уже не очень молодых, но еще крепких билетерш. Которые и преградили нам тут же.

– Добрый день, – представился я тетенькам. – А нельзя ли позвать главного администратора, – попросил я, зная по опыту, что чем главнее администратор, тем больше я ему кого-то напоминаю.

В принципе я и этим бабулькам напоминал, и они бы пропустили, нарушив ради знакомого моего образа строгую билетерскую дисциплину, но посадили бы со страху куда-нибудь далеко от действия. А нам надо было близко, в самую его гущу.

– Вам Людмилу Альбертовну? – задала вопрос одна из бойких теть, смотря мне мучительно прямо в глаза. И тужась, тужась, тужась…

– Да, да, именно Людмилу Альбертовну, – согласился я.

– Если она самая главная, – зачем-то встрял Илюха, который обычно без моего указания никогда в подобные разборки не встревал. Тем более в такие незамысловатые. Я же говорю, плевое было дело, я и один, без помощи со стороны, с такими справляюсь запросто.

Я взглянул на Илюху и тут же понял, что он всасывал из соломинки, очевидно, большими всасываниями, чем делал это я. И, похоже, несколько выпал из баланса. Не сильно выпал – со стороны, может, и не видно, но я в Илюхе разбирался, как сапер в мине, и не ошибался в нем ни разу.

– Людмила Альбертовна и есть главная, – заверил я его, потому что только главных администраторов могут звать «Людмила Альбертовна». У младших почему-то совсем другие имена.

А вот и зацокали по театральному настилу высокие каблучки и появилась та самая Людмила Альбертовна, которая ничем не была хуже своего красивого имени с отчеством. Нарядная, ничуть не озабоченная, а наоборот –

гостеприимная, с приветливой такой, почти что искренней улыбкой, она, еще на расстоянии, еще на подходе к нам, принялась припоминать мое, как ей казалось, знакомое лицо и фигуру. И, похоже, припомнила, вот только никак не могла восстановить в памяти такое близкое, вертящиеся на языке, но постоянно ускользающее имя.

– А… это вы… – сказала она гостеприимно, вкладывая в «вы» всю свою неловкую забывчивость. – Рада, очень рада. Давно вы нас не баловали своим посещением.

Она действительно была рада мне, похоже, искренне рада. И все-таки за ее улыбкой пряталось замешательство и напряженная мозговая работа: конечно же, она знает этого молодого мужчину. Но вот кто он точно – дирижер ли, живописец, кинематографический деятель или, наоборот, театральный? А может, и скрипач какой? Этого она вспомнить не могла.

– Да вот, все дела да дела. Сами знаете, как плотно у нас иногда бывает, – вздохнул я банально, как всегда вздыхал в таких случаях.

– Понимаю, – согласилась администраторша и еще раз улыбнулась. И теперь не только улыбка у нее получалась приветливой, но и вся она стала именно такой – в смысле, приветливость перешла на все остальные части ее очень хорошо одетого тела.

– А Марк Григорьевич знает, что вы к нам в гости зашли? Вот ведь он будет рад. – И она сделала еще одну мучительную попытку нащупать в памяти мое почти ощутимое, теплое от близости, но все же неловко теряющееся имя.

– Да нет, я не успел его предупредить, – ответил я сущую правду, так как понятия не имел, кто такой этот самый Григорьевич. Уж не главный ли здесь режиссер? А может, директор? Или импресарио, так сказать? – Но мы к нему обязательно позже заглянем, после спектакля. Он у себя будет?

Она попыталась что-то рассказать про Марка Григорьевича, но я, не дожидаясь, продолжил:

– А сейчас позвольте представить вам моего ближайшего товарища, Илью Вадимовича. Который, кстати, является членом ЦК партии.

– Правда? – еще больше обрадовалась сладкая женщина и теперь стала вглядываться в моего кореша, пытаясь вспомнить и его. Но вспомнить Илюху было тяжело. Так как он если и напоминал кого, то только самого себя, когда выпьет немного.

– А какой партии? – все радостнее и радостнее улыбалась Людмила Альбертовна.

«А действительно, какой?» – подумал я, рассматривая Илюху не менее пристально. Уже не партии ли большевиков, в смысле, партии текущей власти? Или меньшевиков, которые сейчас коммунисты? Или кадетов из разных союзов демократических сил? А может, эсеров, может, левых? В наше время много всевозможных эсеров легко на память приходят.

Да, непросто было выбрать, к какому конкретному ЦК вот так с ходу отнести Белобородова. Так как Илюха в своем пристойном костюме с галстуком и белой сорочке, с его вполне солидным, импозантным видом мог оказаться членом ЦК многих из нынешних партий.

– Центристко-демократической, – выбрал я одну.

Именно потому выбрал, что работники культуры глубоко в душе все же центристы и демократы, пусть и несколько разочаровавшиеся. Но в том, что заложено в генах, до конца все равно не разочаруешься.

– Я, кажется, слышала о такой, – снова стала измываться над своей памятью симпатичная администраторша.

– Ну а как же, – поддержал я ее. – Они планируют на следующих выборах непременно преодолеть минимальный барьер и войти в парламент общим списком.

– В чей парламент? – спросил подошедший слишком близко и захвативший последнюю часть разговора Илюха. И мы все засмеялись его шутке. Все, кроме Илюхи.

Тут Людмила Альбертовна протянула лидеру партии руку, Илюха принял ее в свою, и они чувственно, с удовольствием друг другу пожали. И получалось, что

вопрос с театром оказался полностью решен.

– Так где бы вы хотели сесть? – сама поинтересовалась гостеприимная хозяйка, не дожидаясь нашей инициативы. – А то спектакль уже вот-вот начнется.

– Нам бы куда-нибудь поближе, – предложил я. – Куда-нибудь на передовую, в самое пекло, чтобы не прятаться за чужими спинами.

Тут мы опять посмеялись, но быстренько так, потому что пора было спешить.

– Марина Семеновна, – обратилась старший администратор к билетерше, именно той, бойкой, которая силилась меня узнать в самом начале. – Как у нас с первым рядом или со вторым?

– Ничего нет, Людмила Альбертовна, – развела та руками.

– У нас театр, как вы знаете, небольшой, но очень популярный, – извинилась за отсутствие мест обаятельно одетая и приятно пахнущая женщина. – Но вы не волнуйтесь, мы для вас что-нибудь придумаем.

Хотя мы и не волновались совсем.

– Может быть, им стульчики поставить в проходе? А, Марина Семеновна? – предложила старший администратор младшему.

– А Марк Григорьевич не будет возражать? – засомневалась бдительная билетерша. – Он вообще-то не любит, когда мы в проход стулья ставим.

– А вы быстренько, – уговорила ее Людмила Альбертовна и посмотрела ласково на нас обоих одновременно. И так же одновременно заглянула нам обоим в глаза. А потом и улыбкой одарила, такой немного журящей, но заботливой, материнской улыбкой. Хотя в матери ни мне, ни тем более Илюхе она совсем пока не годилась. Немного в старшие сестры, может быть, и годилась, но никак не в матери.

– К тому же эти молодые люди, Марина Семеновна, имеют к театру самое непосредственное отношение. – Тут она снова вгляделась в меня мучительно,

напрягаясь своей памятью. – Правда ведь?

– Самое непосредственное, – обогнал меня с ответом совсем освоившийся Илюха. – И к театру, и особенно к филармонии.

Я закивал головой, соглашаясь. Это была сущая правда, мы действительно имели самое непосредственное отношение к филармонии. Особенно к ее большому хору. Или нет, наверное, к Большому залу. Потому что хор, насколько мне запомнилось, был не очень большой. А может, и большой, просто наши отношения связывали нас с его маленькой частью. Зато с весьма певучей.

– Так что, – подвел итог дискуссии Илюха, – Марина Семеновна, будьте так любезны, установите нам пару стульчиков несколько впереди первого ряда. Прямо, пожалуйста, напротив сцены, – уточнил он на всякий случай.

– Но, Людмила Альбертовна, – попыталась затеять спор неглавный администратор с администратором главным. – Спектакль уже практически начался. Марк Григорьевич будет крайне недоволен.

– Поставьте, поставьте, тихонечко только, – приняла решение главная, о котором она впоследствии наверняка не раз пожалела. – Поставьте в проходе, поближе к сцене. Только постарайтесь незаметно.

И она снова заглянула нам прямо в глаза, нам обоим, одновременно. И оказалось, что мне необычно приятно ощущать ее внутри своих глаз. Какая, в конце концов, разница, каким путем проникает в тебя человек? Или ты в него.

И вот мы остались втроем: я, Илюха и Людмила Альбертовна. Я начал было подыскивать общую тему для разговора: может быть, театральную или, наоборот, политическую, а может, иную – музыкальную, филармоническую. Но подыскать я так и не успел. Потому что Белобородов приблизился и нежно взял приятную женщину под локоток.

Она совсем не возражала – да и почему надо возражать? Подумаешь, под локоток, к тому же в самом центре покрытого плотными коврами фойе. А где ковров не было – там просто блестела свежая паркетная доска.

– Людмила… – прозвучал мой кореш доверительным голосом. И тут же осекся: – Можно, я вас буду Людмилой называть?

– Да, да, конечно, – не задержалась с ответом его собеседница и снова заглянула в глаза, но теперь уже только в его. А жаль, потому что я уже начал скучать по ее взгляду.

– Людочка, – незаметно перешел еще один барьер Илюха. – У меня к вам одна убедительная просьба. Вы были так любезны, не откажите еще в одном одолжении.

И он стал уводить Людмилу от меня – туда, в сторону, где меня не было. Где вообще никого не было. Она уже вся была поглощена его неспешной поступью и не менее неспешным говором, и повернула к нему свое образцово подкрашенное лицо, и смотрела на него своими образцово любезными глазами. А он смотрел на нее, тоже любезными глазами, и излучали они оба… Не знаю, что именно, но точно что-то излучали. И я бы подумал, что между ними сейчас завяжется… Любой бы так подумал.

Но не могло между ними завязаться. Потому что Людочка по всему была чисто профессиональной женщиной-аминистратором – и по взгляду, и по улыбке, и по косметике, и даже по отведенному чуть-чуть в сторону локотку. Да и то, мало, что ли, молодых, в хорошем сбалансированном подпитии мужчин, которые что-то напоминают и навеивают, и ассоциации всякие из глубины памяти вызывают? Мало ли с кем приходится пройтись под локоток в фойе, даже если он и член ЦК партии? Мало, что ли, партий в стране? А мужчин из их ЦК вообще не перечесть. Со всеми, даже если очень захочешь, не завяжешь. Выбирать приходится.

– Да, да, – тем не менее жизнерадостно отвечала она. – Не обещаю, но все, что в моих силах, я постараюсь.

И тут они развернулись и снова пошли по фойе, но теперь уже в мою сторону.

– Понимаете, трубочка… – Илюхино лицо изобразило мучительную неловкость. – Нам трубочки одной не хватило. Нам нужно две, а у нас с собой всего одна припасена. Может быть, у вас в буфете найдется или еще где…

– Трубочка? Какая трубочка? – поинтересовалась Людмила.

Илюша аж удивился – неужели на самом деле не понимает?

– Ну как же, она еще соломинкой называется. Знаете, ее в кофейных зачем-то в бокал с латте вставляют. Хотя и непонятно зачем, в бокалах же горлышко широкое обычно. Там и соломинка ни к чему. А вот нам очень к чему…

Тут я вгляделся в Илюху, как прежде Людмила вглядывалась в меня, и снова понял, что он несколько вышел из баланса подпития. В сторону превышения баланса. Не сильно вышел, для постороннего глаза даже не заметно, но некоторые инстинкты все же притупил. Среди которых не последним был инстинкт самосохранения.

– Ах, соломинка… – все так же любезно улыбнулась Людмила Альбертовна.

Но что-то все же проскользнуло в ее взгляде – тень какая-то, сомнение, что ли. Думаю, именно тогда она в первый раз догадалась, что, может быть, зря она распорядилась стульчики для нас в проходе поставить. Впрочем, на попятную было поздно.

– Ах, нет, – извинительно, но вдруг с заметным холодком безразличия в голосе отказалась она. – Ничем не могу помочь.

И хотя она еще от Илюхи не отстранялась, очевидно было, что скоро начнет.

Впрочем, отказы не смущали моего друга Илюху Белобородова. Он давно привык к ним, к отказам, у него на них иммунитет выработался. Они ему даже в кайф были, вот, например, как застоявшейся лавине периодически требуется обвал, так и ему порой необходимы были отказы. Они подзаряжали его, в смысле энергетически. Ведь всех нас разных разное подзаряжает.

Вот и теперь Илюха далеко не сдался, а только, наоборот, усилил нажим.

– Да, я понимаю, – сказал он с пониманием, – сложно. Но, видите ли, Людочка, нам на самом деле весьма необходимо. Вы же сами видите, что нас двое, а вот трубочка всего лишь одна. А как двум взрослым, самостоятельным мужчинам обходиться всего с одной трубочкой? Негоже двоим с одной. Неудобно как-то перед людьми…

Илюха бы еще долго продолжал, но тут я решил, что пора его уводить от прямо на глазах становившейся формальной администратора. Потому как сам Илюха из-за нарушения баланса не слишком просекал быстро меняющуюся ситуацию.

– Илья Вадимыч, – окликнул я его официальным тоном, – а давайте, мы Людмилу Альбертовну ко мне в филармонию пригласим. Людмила, в любой вечер просим милостиво, мы вам всегда рады будем. И всегда для вас лучшие места найдем. С максимальной акустикой. Потому что у нас, в филармониях, акустика превыше всего.

– Ах… ну да… конечно же, филармония, классическая музыка. Конечно же… – откликнулась приглашенная женщина на подсказку и снова напряженно вгляделась в мое лицо. А потом, пытаясь, видимо, совместить мой образ с теми туманными, поднимающимися из памяти, она промолвила задумчиво, как будто себе:

– А все-таки вы очень изменились, – и туман в ее глазах густо затянул все зрачковое пространство. – На удивление сильно изменились, почти неузнаваемо.

– Да, – закивал я. – Что поделаешь, время немилосердно. Хотя оно и лечит иногда. Как, например, у Дебюсси в седьмой кантате…

– Он вообще большой мастак по Дебюсси, – перебил меня зачем-то Илюха. – Он его просто наизусть всего помнит. А когда репетирует с оркестром, так его просто всего распирает. От радости, от вдохновения, но и от мук. В том числе и творческих. А муки, они, знаете ли, облагораживают. Так что вы приходите в филармонию, я там часто со всем нашим ЦК, центрально-демократическим, отдыхаю. Особенно душой. Филармоническая музыка, она ведь не хуже консерваторской, а в некоторых случаях…

Но тут я срочно отделил Илюху от засомневавшейся Людмилы Альбертовны и стал уводить от греха подальше. Туда, в торжественный сумрак зала, в волшебный мир драматического представления. А еще – к двум пустующим стульям, установленным в проходе, прям напротив залившейся в софитах сцены.

Мы скорой почти перебежкой, будто под картечным обстрелом, пригнувшись, чтобы не зацепило, преодолели проход от конца к началу. И вот они уже,

вожделенные стульчики с мягкой упругой обивкой и податливыми спинками. Вот мы уже и поместились на них, и расслабили напряженные икры ног, и оглянулись – никого мы и не потревожили: зал как сидел замеревший на одном дыхании, так и замирал по-прежнему. Например, артисты на сцене… Впрочем, что мы знаем об артистах, особенно когда они на сцене?

Глава 3

Пять часов пятнадцать минут до кульминации

Театр! Помните из старого черно-белого фильма женщину с сильным грудным придыханием, как она говорила сексуально: «Любите ли вы театр? Нет, любите ли вы театр, как люблю его я?» Не помните. Ну, и Бог с ним.

Так вот, я его тоже люблю, театр. Может быть, и без сексуального придыхания, но все равно люблю. Мне, собственно, все равно, чего там дают, в смысле, какая пьеса, каких времен, народов и тем. Мне даже все равно, кто кого играет, – главное, чтобы играли. Главное, сам процесс лицедействия, когда взрослые, как правило, люди представляют что-то очевидно вымышленное, да еще непосредственно перед тобой. Фантастическое, почти волшебное ощущение.

Тут важно место правильное выбрать в зале. На стульчиках в проходе, конечно, не обязательно, но вот важно, чтобы именно прямо перед сценой. Желательно в первом ряду. Чтобы прямо перед тобой все это разворачивалось, и прямо для тебя.

Потому что когда близко, когда взгляду ничего не препятствует, то не только видишь то, что издали не разглядеть, – морщинку у глаза, капельку пота, выступившую на виске, утомленный, может быть, взгляд… Но и слышишь, что не услышать на расстоянии: сбившееся дыхание, неожиданную интонацию, неучтенный всплеск голоса.

Но и это – не главное. Главное, что, когда ты в первом ряду, они, актеры, только для тебя одного играют. Во-первых, потому что ты сам забываешь, что позади еще зрительный зал находится – со зрителями, с рядами пронумерованных

кресел, с пожарными, тускло подсвеченными выходами и занавешенными портьерами входами. Кажется, что ты только один и те, что на сцене, они только для тебя и предназначены, и начинаешь ты соучаствовать, то есть просто-напросто играть вместе с ними их роли.

И они, актеры, они тоже твое участие мгновенно понимают и принимают тебя, и раскрываются перед тобой, завлекая. А некоторые действительно заостряются на тебе и на самом деле только для тебя выкладываться начинают. И тогда ловишь ты на себе их оголенные взгляды, и пересекаешься с ними своими, и заряжаешь их энергией, как и они, в свою очередь, заряжают своей тебя. И равноценный обмен получается.

Вот и мы с Илюхой сразу въехали в сюжет, хоть и не важно нам было, чем он начался, и, в общем-то, безразлично казалось, чем закончится. Для нас главными были обостренные лица на сцене, пластичные тела, их плавные, округлые или, наоборот, резаные движения, пылкость, страсть… Ну, и все остальное в этом же роде.

Они, кстати, как было указано в программках, «Идиота» Достоевского показывали. Но про «Идиота» можно было только по программке догадаться, так сильно у них все там переиначить получилось. Не зря ведь Людмила Альбертовна нас известила, что очень модный и популярный у них театр оказался.

– Старикашка, – шепотом одернул меня Илюха, – у тебя концентрация не растворяется?

– Чего? – не сразу понял я, так как был сильно увлечен.

– Ну, баланс не нарушается?

Я согласился и нагнулся, и вытянул дугой шею по направлению к сидящему на соседнем стульчике соседу, и в темноте на ощупь поймал губами пластиковую гибкость соломинки, вылезающую из нагрудного кармана Илюхиного пиджака. И втянул из нее в себя. Потом сглотнул набравшееся за щеками, переварил тут же и снова сглотнул.

Мне и прежде было хорошо, но тут стало значительно лучше. Я хотел было вдохнуть в себя еще больше жидкости, но кто-то цепко отдернул меня от цветущего за пазухой оазиса. Цепко, настойчиво, хотя и не грубо.

– Ты чего! – раздалось шепотом поблизости. – Нам еще на второе отделение надо сохранить.

Я-то думал, что он беспечен и не запаслив, корефан мой, Илюха, а на поверку он оказался благоразумен и предусмотрителен. Ну да ладно, не будем судить его строго.

В общем, вот так, не выпуская из себя праздничного театрального настроения, мы стали приглядываться все-таки к представлению повнимательнее. И оказалось, что оно веселое. В смысле, совсем не трагедию нам сегодня давали. И даже не драму. Хотя в программке печатным буквами было выведено: «ИДИОТ».

Уж не знаю точно, как по жанрам у них это все называется, но артисты на сцене выглядели вполне жизнерадостными, говорили бодрыми голосами, да и текст был прикольный. Зал где-то позади нас, в отдалении, покрывался временами смешками, а то и гоготом, хотя мы с Илюхой, забыв про него вчистую, воспринимали его как дополнительное звуковое оформление.

А тут еще на сцену выплеснулась группа театральной поддержки. В смысле, такие три мальчика и три девочки, которые не говорили ничего, и ролей у них, видимо, никаких не было. А только для усиления основной актерской капеллы они танцевали и пели иногда. Иными словами, вот такой еще один оригинальный режиссерский выкрутас. Потому, наверное, Людмила Альбертовна и утверждала, что театр у них небольшой, но отчаянно модный – полный новаций.

И нам они с Илюхой, все эти новации, очень даже пришлись. Я имею в виду эту самую группу поддержки, особенно, естественно, женскую ее половину. Ребята тоже были, конечно, симпатичные и тоже танцевали ничего. Но лично у нас они никаких особенных чувств не вызывали. Может, у кого-то в зале и вызывали, но не у нас.

А вот девичья часть поддержки много чего вызывала, и наверняка не только у нас с Илюхой, а у всей мужской части зрительного зала. Просто сидели мы

ближе других. А уж для завершения картины скажу, что они еще, искусительницы театральные, свои одеяния то и дело меняли – то в туниках таких полупрозрачных, то в платьях вроде бы восемнадцатого века, то совсем в чем-то непонятном. Но в очень открытом.

А мы-то, мы совсем рядом, нам не то что пупырышки похолодевшей кожи на их танцующих животиках видны, к нам и запахи их воздушные, головокружительные легко доносятся. И надо признаться: ну, не может такое не оказывать воздействия на нормального, здорового театрала! Особенно на Илюху. Да и на меня тоже. Тем более когда мы оба все же периодически прикладываемся к тростиночке. Или к соломинке – какая разница, как назвать.

А тут к тому же натурально происходит пересечение взглядов, о которых я уже выше рассуждал. И получается, что не только мы, но и они глазеют на нас со сцены просто до неприличия пристально. Да и понятно почему – не похожие мы на обычных театралов особи. Сильно отличные мы.

Ну, во-первых, стульчики в проход сами себе просто так не притопают. Во-вторых, следим мы уж слишком внимательно за действием. Даже не столько за действием, как за ними самими следим до предела пронзительно. Да и с непривычно близкого расстояния, да и глаза у нас блестящие непомерно, да и зрачки немного расширены. Хотя не уверен, что могли они наши зрачки разглядеть.

Но самое примечательное – это позы наши слишком вальяжные. У Илюхи, например, когда он голову сильно скорбно на грудь роняет, да еще краем пиджака таинственно прикрывает от посторонних свой тонкий профиль. Или фас. Просто гремучая смесь Зорро с графом Монте-кристо.

Не говоря уж о моей позе: я, напомню, просто перегибался напополам и шарил головой у соседа за пазухой. Ну, то есть это я знал, что за пазухой, но вот что нафантазировали там на сцене они?.. Готов поспорить, что не понимали они, где именно я пытаюсь нащупать головой у соседа. Потому как думаю, что тростиночки нашей единственной им в темноте, так же как и наших зрачков, было не разглядеть.

И как бы они ни были искренне увлечены своим собственным участием в представлении, но и перед ними тоже загадочное действие происходило. Тоже ведь театральное почти что. И не могло не заинтересовать оно их. А все потому, что поленилась Людмила Альбертовна, напомню, главный администратор, еще одной трубочкой нас обеспечить.

– Стариканер, – где-то в середине действия шептанул мне Илюха. – Глянь на ту, которая крайняя справа, которая вот сейчас ножкой топнула. Как она тебе?

Я пригляделся к намеченному с крайнего права. Вся группа театральной поддержки в этот момент перестала топать и запела лирическими голосами какую-то, по-видимому, самим же режиссером недавно сочиненную песенку. Ни фига себе, «Идиот»!

Ну что, без сомнения крайняя справа вполне заслуживала, хотя и не больше, чем средняя. И уж точно меньше, чем крайняя слева. Впрочем, тоже вполне заслуживала.

– Заслуживает, – согласился я.

– Слушай, – задумчиво, даже мечтательно проговорил Илюха, – я бы ее выписал.

– Чего, чего? – не понял я, потому что на самом деле не понял. – Чего бы ты сделал? Кого?

– Ну вот ее, крайнюю. Точно бы снял.

В принципе нельзя сказать, что мысль была недостойная. Хорошая была мысль. Не так чтобы очень уж свежая, не у Илюхи наверняка первого возникшая, – снимать артисток вообще входит в российскую театральную традицию еще со времен системы Станиславского. Да и до нее.

И поэтому я его поддержал:

– А я ту, которая слева.

– Ага, – сказал Илюха, – правильный выбор. – Хотя я бы на твоем месте на средней бы остановился.

– Да нет, – возразил я взвешенно, – у левой волосы длинные. Я вообще на красивые, длинные волосы западаю.

– А, – согласился он, – ну да.

И сбился в паузу, но в какую-то напряженную паузу, только лишь губы пытались сосредоточенно шевелиться. Как будто подсчитывали что-то.

– Чего-то я не понял, – под конец не согласился Илюха. – С какими длинными волосами? Откуда у нее длинные волосы, у крайней слева, когда она, похоже, подстриглась сегодня утром. Под мальчика. Под очень коротковолосого мальчика. Ей, конечно, может, и идет, вон шейку выразительно выделяет, но не настолько, чтобы говорить о ней как о длинноволосой.

Теперь я стал подсчитывать. Где право, где лево, я знал давно, с детства. Еще в первом классе я отпустил на правом мизинце не очень, но все же выделяющийся ноготь. И когда откуда-нибудь раздавалась команда, скажем, «направо», я ощупывал на своих руках мизинцы и поворачивался именно туда, где было колко. Так оно мне и втемяшилось с детства в голову, такой, надо заметить, приобретенный рефлекс.

– Знаешь что, стариканер, – подумав, прошептал я в ответ. – Как-то мы по-разному с тобой на жизнь смотрим. Не совпадает у нас видение жизни. Не во всем, конечно, но во многом. Например, в понимании географических полюсов – северного и южного, да еще востока и запада. На тебя, наверное, Курская магнитная аномалия сильные наводки оказывает. Ну а на бытовом уровне этот твой магнитный сбой приводит к путанице между правым и левым. Короче, та, что справа, выбранная тобой, – совершенно отчетливо стрижена. А моя, левая, уверяю тебя, уже не первый год волосы успешно отращивает. Ты приглядись!

Но Илюха не стал приглядываться к сцене, он, наоборот, стал приглядываться ко мне. Долго, внимательно, пристально.

– Какая такая Амалия? – наконец поинтересовался он любознательным шепотком. И тут же, не переводя дыхания, просто ткнул уверенным своим

пальцем в направлении длинноволосой певуньи.

– Вот, видишь, видишь, – помахивал Илюха своим указательным. – Она справа. Посмотри, убедись – справа.

Я посмотрел, убедился. Действительно, она была слева.

– Старикашка, – успокоил я его, – ты не переживай. Ты сейчас во всем разберешься, я тебе помогу. Ты присмотрись к своему собственному пальцу. Он на какой у тебя руке установлен? Видишь, на левой. И показывает налево. А значит, девушка, на которую ты указываешь, с длинными волосами, она для нас слева стоит.

Вытянутый палец на левой руке беспомощно вслед за рукой опустился вниз.

– Ты в зеркало на себя когда-нибудь смотрел? – задал ненужный вопрос Илюха.

– Ну… – предположил я.

– Что, ну? Ты замечал, что право и лево местами меняются, когда они напротив друг друга установлены?

Конечно, я все это давно замечал, и не один раз. И вообще не хотел я спора, я хотел к трубочке разок приложиться и вернуться к внимательному просмотру спектакля.

– Белобородый, – сказал я миролюбиво, – у тебя загвоздка с осями координат. Или, чтобы понятнее было, – с точками отсчета. Неправильно ты точки отсчитываешь. Тебе от себя отсчитывать надо, а ты, похоже, всегда от зеркала считаешь. И потому путаешь ты и себя, и меня. Ну нас-то ладно, ты девушек неправильно спутал, – заключил я и, изогнувшись очередной гибкой дугой, полез к Илюхе за пазуху. Как всегда, губами полез.

А когда выбрался оттуда, добавил:

– Ну и что нам теперь с перепутанной девушкой делать? Раз она одновременно оказалась для тебя правой, а для меня левой?

– Придется тебе уступить, – нашел выход Илюха. – Если до тебя доходит с таким трудом.

Но его выход мне не подошел.

– Ан нет, – не согласился я. – Не может один и тот же человек постоянно приоритет получать. В смысле, и бутылку за пазухой, и девушку, замечу, все же крайне левую. Ты давай выбирай – или мне бутылку передай, или спорную девушку. Заметь, право добровольного выбора я предоставляю тебе.

Тут Илюха задумался, потом засунул свой нос вместе с пристыкованными к нему глазами снова за лацкан пиджака и долго там ими всеми шарил. Видимо, выясняя, много ли осталось в стеклянной емкости. И по тому, что он выбрал все же емкость, я понял, что оставалось еще достаточно.

– Ты, Розик, напористый все же очень, – сказал он, переводя взгляд на сцену, где группа театральной поддержки снова пыталась разнообразить драматическое представление бодрыми танцевальными экзерсисами. – Ладно, уступаю тебе длинноволосую девушку. Я на среднюю переметнусь. Расположение средней у тебя сомнений, надеюсь, не вызывает?

– Да нет, – ответил я разумно. – Средняя, она везде средняя, с какой стороны на нее ни посмотреть.

– Ну и ладушки, – согласился Илюха, и мы уставились на сцену, дожидаясь антракта, когда можно будет за кулисы.

Потому что не совсем было понятно, как их, этих двух гибких и лиричных девушек, снять прямо со сцены. Нет, сложная это задача, проще антракта терпеливо дождаться. Но он все не наступал и не наступал.

А тут еще кто-то похлопал меня по плечу с тыльной его стороны. В общем-то, осторожно, даже, можно сказать, нежно, но вместе с тем настойчиво. Я обернулся.

Сзади, оказывается, были люди. Их был полный зал. Я не видел отдельных лиц, только блеск взволнованных глаз отовсюду. Просто много, несчетно много устремленных лучей, плавно огибающих мои плечи и растворяющихся в сценическом свете софитов.

Тоже ведь интересное зрелище – замеревший театральный зал, если, обернувшись, наблюдать за ним со стула, установленного несколько впереди первого ряда. Я и не знал, что он такой – застывший, но живой.

Но тут мое плечо снова тронули, и я отвлекся от зала. На первом ряду, немного сбоку, совсем близко от меня, сидели зрители, одна из них, крайняя, и теребила мою прикрытую одеждами плоть. Я вопрошающе округлил глаза, мол, я весь во внимании, мол, чем могу?

– Молодые люди, – пригнувшись ко мне совсем близко, чтобы шептать было удобнее, проговорила зрительница. – Вы мешаете смотреть.

– Правда? – удивился я.

– Да, – констатировала она.

От нее, кстати, очень приятно пахло, чем-то свежецветочным. Духами, наверное, – догадался я.

– Вы постоянно разговариваете. И мешаете.

– Мы больше не будем, – с ходу обманул ее я.

И все, и конфликт был исчерпан. Я, во всяком случае, на это надеялся. Ведь в конфликте главное что? Главное – не давать повода для его развития, а тут же полностью исчерпать. Я вообще человек не скандальный и потому не только не ввязываюсь, но и вообще способность природная у меня – нейтрализовывать скандалы на корню.

Но зрительница сзади, та, которая на первом ряду оказалась, она, видимо, мое благодушие за слабость характера приняла. Мол, раз так быстро пошел на попятную – значит, не стоек. И тут же стала развивать свой первоначальный, как

ей казалось, успех.

– И не крутитесь вы постоянно. Постоянно вы к своему соседу наклоняетесь очень низко. И плохо из-за вас видно, когда голова у вас, как шальная, ходуном ходит.

Что мне было делать? Я, конечно, мог снова обмануть женщину, еще раз пообещав, что не буду наклоняться к соседу. Но я вообще-то не люблю обманывать, тем более несколько раз подряд. А не наклоняться я тоже не мог. Ведь спектакль находился в самом разгаре, и не мог я свой собственный баланс добровольно нарушать.

– Да вы знаете, – сказал я тоже, как и она, шепотом, – не могу я не наклоняться. Муся очень волнуется, и надо мне успокаивать ее иногда.

Настала пауза. Между мной и женщиной настала. На сцене же никакой паузы не было, там все продолжалось, как прежде. И монологи главных героев, и сопутствующие им песенки и танцы группы театральной поддержки, которая, кстати, уже на одну свою треть была разобрана мной и Илюхой. Впрочем, она об этом пока не знала.

– Понимаете, – продолжил я доверительно, наклоняясь для шепота к самому женскому уху. Из которого она действительно пахла совершенно головокружительно. – У него там, – я кивнул на своего соседа Илюху, – за пазухой котенок маленький. В основном спит, но когда просыпается – нервничать начинает. Вот я его и глажу, и шепчу на ушко всякие разные добрые слова.

Я вдруг сбился, очень уж мне захотелось добавить: «Вот, как вам сейчас». Ну, а раз хотелось, то и добавил:

– Вот, как вам сейчас.

– А что же ваш товарищ сам не может его гладить и успокаивать? – вдруг задала вопрос чудесно пахнущая женщина.

Но не только пахнущая. У нее еще обнаружилось сильно горячее дыхание, и оно, это дыхание, било теперь в ушную раковину уже мне, и ввинчивалось в меня по слуховым каналам прямо в мозг, и шевелило там что-то, согревая.

– Да она, Муся, котеночек в смысле, меня по руке чувствует. У меня рука успокаивающая очень, особенно левая, особенно середина ладони. Я вообще, как коснусь ею кого, так всю ненужную заботу и снимаю.

Зрительница вдруг резко отстранилась, недалеко, только лишь чтобы заглянуть мне в глаза и в лицо, конечно, тоже. Ну, а мне в ее. Что сказать – хорошая была зрительница, пахла приятно и шепот горячительный… А что, в конце концов, еще надо человеку от женщины, сидящей рядом в театральном зале?

– А зачем вы его в театр принесли, котеночка-то? – задала она, наконец, неожиданный вопрос. И он быстро загнал меня в тупик.

Я-то думал, скажу: «котеночек за пазухой», и довольно, и дело с концом. Кому какая разница, отчего да почему? А тут тебе, нате: «зачем котенок в театре?» Да кто ж его знает – зачем. Вот и оказался я, загнанный, в тупике.

Но одно дело я, другое – мой обостренный театральным представлением, да еще и коньяком, ум.

Знаете, со всеми бывает порой, когда ты или усталый, или, допустим, не уверенный до конца и ум теряет резвость и стройность. И порой сам не понимаешь: ну что с таким умом делать, как им отвечать делово, веско и еще чтоб проникновенно? И напрягаешься ты, и выдавливаешь из себя жалкие поползновения, и сам понимаешь, что не то, не то…

А бывает как раз наоборот. Бывает, когда ум свободен и изобретателен и не нужен ему твой контроль, да и ты сам ему не нужен. Потому что он сам по себе, а ты сам. И творит тогда он, твой ум, и правит, а ты отойди в сторонку, не вмешивайся – он и без тебя в твои уста слова вложит.

– Так как же его, маленького, одного дома оставишь. Жалко ведь, изведется весь от одиночества, – обратился я к женщине за сочувствием.

И не только словами обратился, но и голосом, и дыханием тоже, расположенным ну прямо впритык к ее благоухающему ушку.

Вообще хочу еще раз повторить – жизнь существенно сексуальнее, чем мы о ней думаем. Да, да, наша повседневная, казалось бы, обыденная жизнь. И тем, кто научился чувствовать ее возбуждающее напряжение не только по угнетающе примитивным порнографическим сценам из домашнего видика, а по едва различимым, но постоянным, везде и всюду присутствующим намекам – которые в движениях, во взглядах, в походках, в случайных касаниях, ну и в запахах, конечно, тоже… Для тех счастливцев она – жизнь – значительно разноцветнее и лучистее.

Не знаю точно, что подействовало на мою надушенную собеседницу, но что-то подействовало. Может быть, мой искренний голос, может быть, им произносимые слова, а возможно, наоборот – котенок за пазухой у Илюхи. Но она сразу заметно потеплела.

– Бедненький, ему ведь там тесно, – сказала она, возможно, о котенке. А может быть, о ком-нибудь еще.

Вообще не понятно было, почему она к предполагаемой Мусе – котеночку-девочке – обращалась в мужском роде. Может, для эмоциональных женщин, часто посещающих театр, жалость и сопереживание – они в основном в мужском роде выражаются.

– Да, – ответил я жалостью на жалость, – за пазухой тесно и темно.

– Он голодный, наверное, к тому же, – не только сочувственно, но даже как-то мечтательно предположила зрительница.

Напомню, что мы по-прежнему составляли своими головами замкнутую цепь – губы-ухо-губы-ухо – и в основном все сказанное нами по данной цепи распространялись. И, надеюсь, особенно не тревожило никого. Может быть, только артистов на сцене, потому как я уже давно затылком повернутый к ним сидел. Но артист, он на то и артист, чтобы в роль входить, а войдя,

абстрагироваться от действительности без остатка. И не замечать ее.

– Да нет, – продолжил я приятный диалог, хотя цветочный, надушенный запах несколько притупился от частого моего вдыхания. – Муся не голодная. Мы там ей специальную бутылочку установили с молочком. Ну, к подкладке пиджака прикрепили. И она из нее, из бутылочки, пьет, когда просыпается.

– Как же он из бутылочки пить может? Котеночек ведь, они же лакают.

Надо же, подумал я. Мало того, что у нее сердце чуткое и жалостливое, так еще и ум – бойкий и пытливый. Небось экономическое образование получила, а театр – это так, для удовольствия. Иначе как она сообразила про «лакать»? Вот так, с ходу, на лету.

– Да мы в бутылочке такую трубочку установили, – тоже на лету, хотя и не вполне правдоподобно, предположил я, – соломинка называется. Она из нее молочко и потягивает.

– Как же? – все же не поверила мне сразу женщина. – Для этого надо губы… – она, по-видимому, искала слово, но не нашла, – …вот так сделать.

И хотя я не видел, но легко догадался, как именно она сделала свои губы.

– Да, – согласился я, – надо. Но мы долго тренировали Мусю. Они, кошки, знаете, такие сообразительные, особенно когда дело о еде долго заходит. Вот и Мусе пришлось приспособиться, наконец.

Женщина снова отстранилась и снова заглянула мне в глаза. Что она хотела там найти – насмешку, веселье, шутку? Но их там не оказалось. Ничего, кроме внимательного, долгого, искреннего взгляда в ответ.

– Да вы шутите? – предположила она недоверчиво.

И тут мне в голову пришла приятная мысль. У каждого ведь так бывает, что приятные мысли в голову приходят. Вот и у меня произошло.

– А вы сами посмотрите, – предложил я. – Вот и убедитесь.

– А можно? – не поверила она возможности.

– А то нет, – ободрил я ее. – Давайте мы с вами местами поменяемся, вы и убедитесь. Вы даже сможете погладить ее, Мусю, но только осторожно, ласково, чтобы не разбудить. Она спит, по-моему, сейчас.

Ведь почему мысль мне приятной показалась? Потому что старик Белобородов на последние пять минут крепко отвлекся и от меня, и тем более от окружающего зала, про который он вообще вспоминать забыл. Прочно его, видимо, прихватил сюжет классической пьесы, а может, и девушки из группы театральной поддержки – не будем гадать. Но так или иначе взгляд Илюхи был устремлен только вперед – он даже не заметил, что я уже как несколько минут к животику его выпуклому, с торчащей из него трубочкой, не припадаю.

Так что, подумал я, он и не заметит подмены на соседском кресле. Ну, а что дальше произойдет, когда подмена совершится, – этого я не знал. Но не против бы был посмотреть.

– А удобно ли? – засомневалась было соседка из первого ряда.

Но я даже не ответил, а только развел руками и закивал. Мол, о чем речь, конечно, все в порядке вещей.

В принципе вся предстоящая операция не выглядела совершенно безопасной. В Илюхе я, в общем-то, не сомневался – и не к таким удивлениям парень приспособлен был жизнью. А вот что от женщины благоухающей ожидать, я, конечно, не знал – мало ли как непроизвольно она могла себя повести, столкнувшись с реальностью. К тому же театр, спектакль, даже не первый ряд, а еще ближе.

И тем не менее прыгают же люди с парашютом. И на медведя, сам читал, нападают без огнестрельного. То есть риск – он как раз и будоражит. А тот факт, что предстоящую развязку предвидеть было невозможно, ее полная непредсказуемость, как раз и добавлял остроты. Точно смотришь в первый раз пьесу и не предполагаешь, что там дальше драматург напридумал, а режиссер воплотил. Ну, прям как «Идиота» в модном театре.

– Давайте тихонечко местами меняться, – переходя от слов к делу, предложил я застенчивой женщине, и она согласилась.

Хотя и жалко было мне вот так терять ее по собственной воле – не вдыхать более ее аромата и не тереться щекой о кончики ее ухоженной прически. Но надо было выступать в рамках жанра, и я выступил. И мы тихонько поменялись местами, низенько-низенько приседая почти что до самого пола. Так что даже со сцены это мелкое зрительское колыхание различить было почти невозможно. Вот и Илюха ничего не различил и не почувствовал.

Так я оказался на первом ряду, откуда все было видно так же хорошо, как и со стула, и даже лучше. Потому что, помимо сцены с привычными уже давно актерами, передо мной возникли еще две головы. Одна – ничего не подозревающего и увлеченного искусством Илюхи, другая – женщины, ожидающей погладить котеночка и убедиться, что он умеет пить молочко из трубочки. Но котеночка не было, и пользоваться трубочкой он не умел. Хотя сама трубочка являлась полнейшей реальностью.

Я видел, как женщина на стуле сначала напряженно смотрела вперед, на сцену. Видимо, она все же чувствовала неловкость, и тот факт, что Илюха не замечал ее присутствия, по-видимому, ее беспокоил – ну, не знала она, как прервать его театральную сосредоточенность.

Так продолжалось минуты две, и в конце концов она решилась и, осторожненько тронув своего нового соседа за рукав, обратила на себя его внимание. Он повернул голову, посмотрел, снова посмотрел и задумался. Глубоко, крепко. Так они и оценивали друг друга взглядами. А потом женщина, это я сам видел, все же зашевелила в темноте губами. И после этого шевеления Илюха задумался снова.

Потому что если верить его рассказу, то расслышал он приблизительно следующее:

– Простите, – вежливо попросила женщина, и все лицо ее сдвинулось в смущенной, чуть извиняющейся, но очень приятной, такой по-человечески доброй улыбке. – Можно вашего котеночка погладить?

И сама женщина, и ее благоухание, и быстрый взволнованный шепот, и особенно упоминание про котенка, которого ей так необходимо было погладить, – все это и ввело Илюху в состояние глубокой задумчивости.

«Понимаешь, старикан, – говорил он мне несколькими часами позже, – либо, думаю, перевалил я через баланс незаметно как-то, но сильно. Либо передо мной часть театрализованного представления, режиссерская такая находка. Типа, включение зрителей непосредственно в действие спектакля. Ведь модерновый „Идиот“ перед нами, и от ихней идиотской модерновости еще и не такого дождешься.

Но даже если и попался я на режиссерский крючок, то все равно многого не понимаю. Например, думаю, ведь еще совсем недавно на этом стуле ты подразумевался. Почему же там внезапно обнаруживается совершенно чужая для меня женщина? Которая к тому же просит искренним голосом котеночка погладить. И дергает при этом за рукав.

Тут я, конечно, же задаюсь вопросами: кто она? И что за котеночек у меня такой завелся втихаря? Да и вообще, почему она тебя подменила? Зачем? Да и где ты? Потому как не мог я ошибиться – она была точно не ты. Да и ты никогда не был ею. Она вообще никак на тебя не походила, да и пахла совсем по-другому. Что я, не знаю тебя, стариканер, ты совсем не так пахнешь. И про котеночка ты бы не стал просить, к тому же так искренне. Да и где он, котеночек-то?

Короче, мне время потребовалось, чтобы реальность от вымысла отделить».

Если глобально, то перед Илюхой простирались три пути – прямо как перед тем витязем на распутье. Первый – сказать, что котеночка погладить можно, и потом выдать что-нибудь за котеночка. Второй путь – сказать, что котеночка погладить нельзя, не уточняя. Просто нельзя – и все.

Но был еще и третий выход – отвлечь женщину от котеночка. От самой мысли о нем. И направить ее в здоровое, уравновешенное русло. И именно его выбрал недоумевающий, но не потерявший разума Илюха.

– А откуда вы про котенка узнали? – осведомился он осторожно.

– Так ваш приятель мне и рассказал, – доверчиво призналась женщина.

– А где он приблизительно вам рассказал? В каком месте? В смысле, где он сам сейчас?

– Так мы с ним местами поменялись, – еще раз призналась она. – Вон он, сзади сидит.

– А… – понимающе протянул сразу расслабившийся Илюха и обернул ко мне свою сообразительную голову.

Я приветливо помахал ему ладонью, левой, именно той, которая так удачно снимает напряжение. И еще вдобавок улыбнулся, но не формально, не дежурно, а наоборот – очень открытой, доброжелательной, искренней улыбкой. Но ответной белобородовской улыбки так и не дождался.

– Как, вы говорите, вас зовут? – спросил он у женщины.

– Зина, – ответила та откровенно.

– Так что вы, Зина, планировали с котенком сделать? – снова оттянул время Илюха.

Но Зина почему-то не ответила, а лишь смущенно пожала плечами. А потом Илюха наклонился к ней, прямо к уху, как я сам еще давеча наклонялся, и стал долго, настойчиво вдыхать ее запахи, которые еще давеча я сам вдыхал, и что-то шептать вперемешку со вдохами. Как сам я еще давеча шептал вперемешку.

И случилось так, что минуты через две после его интимного выступления на ушко Зина кивнула согласно и выгнула свой, не скажу очень гибкий, но вполне обтянутый в нарядную кофточку стан по направлению к Илюхиной запазухе. И даже склонила подозрительно низко свою голову – именно так, как еще давеча я сам склонял. И долго потом не выпрямлялась.

В принципе такую заурядную развязку можно было предвидеть заранее, но я ее в пылу азарта не рассчитал. Ну, и кто ж, кроме меня, теперь виноват!

Я в некоторой растерянности глянул налево, но там, кроме узкого прохода, ничего не оказалось. Потом направо – на соседнем сиденье располагалась еще одна зрительница, которая смотрела на меня вполне доброжелательно. Я кивнул в знак приветствия, а она мне улыбнулась в ответ.

– Это ваша подруга? – кивнул я на Зину.

– Ну да, – подтвердила моя новая соседка и добавила тут же, поясняя: – Мы вместе в театр пришли.

Я снова кивнул, соглашаясь.

– А чего вы там, ребята, пьете? – спросила она теперь уже меня.

– Что? – не понял я сразу.

– Ну, вы там пьете чего-то. У вашего товарища что-то за пазухой, ну, бутылка какая-то.

– Ну да, – не нашелся я, как ее обмануть.

– Так чего там?

– Коньяк, – пришлось сознаться мне.

– Мы так и думали, – обрадовалась Зинина подруга. – Вообще-то Зинка тоже хотела с собой прихватить, все говорила, что невозможно спектакль, да без коньячку. Но я сама виновата, неудобно, знаете, казалось – на первом ряду, да прямо перед сценой. А как на вас посмотрели, так просто обзавидовались обе. Зинка даже обиделась на меня. А потом говорит, что надо бы с ребятами, с вами, в смысле, познакомиться. Так как вы наверняка угостите.

Почему-то мне стало грустно. Я вообще, когда сталкиваюсь с цинизмом жизни, всегда грустить начинаю. А расчетливость, тем более преднамеренная, – есть самый печальный цинизм. Я снова посмотрел на Зину. Она уже оторвалась от Илюхиной запазухи и с удовольствием наблюдала за сценой. А я, помимо сцены, как и все остальные, наблюдал ее затылок и думал, что слабак я.

Да и не только я. Мы все, мужики, слабаки. Потому что ну что ведет нас по жизни? Ну логика, ну здравый смысл иногда. Ну еще иногда, хотя и не всех, желание выпить, перемешанное с другим врожденным от природы желанием. Но разве можем мы, наделенные лишь скудным таким арсеналом, соперничать с женщинами, которым и логика порой за примитивностью своей ни к чему, и здравый смысл только в обузу?

Нет, не можем! Потому что переняли они от природы всю бесконечную мудрость жизни и впитали ее. Плотно впитали, на самом глубоком клеточном уровне, и пропитались насквозь. От того и живут дольше, и стихийные бедствия лучше переживают, и вообще доминируют во всей жизни над нами, начиная с постели и заканчивая хозяйством. Или наоборот – начиная хозяйством и заканчивая постелью.

При этом еще ухитряются вид сделать, что не нужно им это утомительное доминирование, что все оно ради нас самих делается. А это самый изощренный прием – убедить того, кому ничего не надо, что ему очень даже надо. Люди вон для наработки такого навыка во всяких разных бизнес-университетах полжизни проводят, тренируются. А они запросто используют, нехотя, просто исходя из природного своего умения.

То есть не жалко мне, конечно, ей коньяка, я вообще делюсь с легкостью. Но обидно ведь, что вся моя остроумно задуманная затея так безнадежно разбилась о каменный Зинин расчет и предусмотрительность. Ну что сказать: молодец, Зина! И подруга ее тоже наверняка молодец, просто не повезло ей немного – с самого начала села на неправильное место. И потому я снова обернулся, снова наклонился к ней поближе и снова прошептал:

– Да вы не волнуйтесь, сейчас антракт объявят, мы и вам нальем с удовольствием.

Она кивнула с пониманием. От нее тоже, надо сказать, благоухало. И тоже скорей всего духами.

Глава 4

Четыре часа до кульминации

Кстати, до антракта оставалось совсем не долго, и он скоро наступил. Шумный он оказался, многолюдный. Мы с Илюхой тоже походили бы, на людей посмотрели, себя бы кое-кому показали, но мы не могли. У нас были дела. Мы рвались за кулисы. Сначала мы, впрочем, как и обещали, обслужили Зину с подругой. В смысле, частично заполнили им принесенные из буфета стаканчики, а потом двинулись внутрь театра.

Но нам там воспрепятствовали.

– Вы куда? – спросили нас строгие женщины в театральных жакетках.

– У нас встреча назначена, – предположил Илюха.

– С кем? – бдительно спросили женщины и еще плотнее сдвинули и без того плотные ряды. Так что даже щелочки между ними не намечалось.

– С кем у нас встреча, гражданин Розовский? – поинтересовался у меня Илюха, как будто я знал.

Но я не знал. А вместо ответа я извлек из нагрудного кармана театральную программку и неспешно прошелся по ней указательным пальцем, отыскивая имена отобранных нами артистов. То есть артисток.

– А вот, – наконец разобрался я. – С Анастасией и Натальей.

Я мог, конечно, и по фамилиям, но по именам получалось как бы сподручнее.

– А по поводу чего у вас встреча? – недоверчиво поинтересовались все еще насупившиеся женщины. Среди которых, кстати, почему-то отсутствовала Марина Семеновна. Может быть, ее уже успели уволить за самовольную установку стульчиков впереди первого ряда.

– Что значит «по поводу чего»? – не понял Илюха. – Гражданин Розовский – известный журналист из «Комсомольских Известий», и мы хотим взять у девушек полноценное интервью.

Дамы в жакетиках не пошевелились. Хотя все, как по команде, заметно напряглись, пытаясь вспомнить мою до боли знакомую журналистскую внешность.

– Розовский, кстати, лауреат престижной журналистской премии имени Тадеуша Живчика.

Я снисходительно улыбнулся теткам, заведомо прощая им незнание про премию имени Тадеуша.

Тут они, конечно, отошли сердцем – ведь у нас всегда лауреаты заслуженное уважение вызывают. И доверие, кстати, тоже. Но вот Илюха, так как лауреатом пока еще не оказался, доверия вызвать не мог.

– А вы кем являетесь? – заподозревала его одна из самых крупных служительниц храма искусств, напирая на Илюху жакетиком.

– Я?! – зашелся в возмущении Илюха. – Я?! – он даже покраснел от натуги, потому как сам точно не знал еще, кем он являлся.

Впрочем, пока краснел, успел разобраться.

– Да я фотокорреспондент. Я с Натальи и с Анастасии фотографии снять собираюсь. У вас там, кстати, в гримерках, как с освещением? Яркое? А то у меня оборудование светочувствительно очень.

И он похлопал себя по пиджаку в районе груди, который совершенно откровенно оттопыривался, в смысле не прилегал плотно к обернутому в светлую рубашку

телу. А поди ты разберись через пиджак, что там именно схоронено – наполовину уже добитая плоская бутылка коньяка или же не менее плоское фотографическое оборудование? Нет, не разберешься.

Жрицы театра, эти суровые весталки в поношенных фирменных жакетиках, казалось, заколебались. Казалось, еще один нажим – и пробьем мы их отчужденность, и достигнем мы святая святых – Анастасию с Натальей. И, может быть, даже возьмем у них интервью. Хотя интервью все же выглядело маловероятным.

Но не хватило у нас самой малости, видимо, где-то по дороге растеряли мы частично напора и страсти. А без страсти, какие тут прорывы.

– Нет, нельзя, – опомнилась от первого шока самая крупная из весталок и снова наступила на Илюху. – Марк Григорьевич строго наказал никого в антрактах за кулисы не пускать.

– Как так? – растерялись мы от неудачи. – Как же с производственным журналистским планом? Нам надо ответственному за выпуск материал к сегодняшнему вечеру сдать.

– А не знаем мы ничего про вашего ответственного, – отвечают они нам хором. – У нас свои ответственные. И из них Марк Григорьевич самый ответственный…

Короче, начался поголовный саботаж. А Илюха саботаж не любил, и если бы жил во времена революционных событий, то из них бы, из саботажников… Ну понятно, чего бы он из них сделал.

А тут у него как будто затмение началось.

– Вызовите к нам Людмилу Альбертовну, – козырнул он первым знакомым именем. Имя, конечно, произвело впечатление, но не до конца.

– А она уже уехала, – раздалось нам в ответ выстрелом, можно сказать, в спину.

Мы задумались на секунду и решили все же рискнуть.

– Ну, тогда нам Григория Марковича позовите, пожалуйста. – Хотя мы точно не знали, кто такой этот самый Григорий.

– Он просил его не беспокоить. Ни при каких обстоятельствах. Он очень занят новой мизансценой, – взорвалось осколочно прямо под ногами.

«Не наши ли девушки, Анастасия с Натальей, занимают его в данной мизансцене?» – забеспокоились мы с Илюхой, не высказывая пока, впрочем, нашу обеспокоенность вслух.

В общем, все наши надежды рушились просто на глазах. И мы были бессильны. А что с человеком от бессилия происходит? Звереет человек от бессилия. Особенно Илюха! Хорошо, что я рядом оказался. Я и оттащил его обратно в буфет.

– Старикашка, – обратился я к нему дипломатично, – подумаешь, не пустили. Мы их после спектакля подстережем. – Я-то имел в виду и Анастасию, и Наталью, но вот Илюха понял по-своему.

– Да, да, – согласился он, – я их подстерегу, прям здесь, у театра, в переулке. И они все по очереди больно поскользнутся на скользком весеннем тротуаре и ушибут коленки и прочие суставы при падении. А та, что мне палец на ноге отдавила, она еще и шейку бедра себе ушибет, – цедил он из себя злобно, подразумевая как раз не Анастасию с Натальей, а других женщин. Значительно более старших по возрасту, имен которых мы не знали и не могли знать.

Тут к нам подлетели Зина с подругой – веселые, жизнерадостно возбужденные, с надеждой ожидающие второй акт. Но Илюху их общительность именно сейчас не тронула.

– Ну, хорошо, – пригрозил он кому-то, может быть, и Григорию Марковичу, подняв глаза к потолку. – Не хотели простым, естественным путем, будет вам непростым и неестественным. Так или иначе, но будет!

– Это он про что? – поинтересовались девушки. – Про какой неестественный путь? Причем тут вообще извращения? Мы же в театре. – И они засмеялись своей веселой шутке, переглядываясь радостно и озорно.

А вот Илюха совсем не засмеялся. Он решительным, твердым шагом двинулся к стойке буфета и, не скупясь, загреб толстенькую стопочку бумажных тарелок. Плотненьких таких, которые даже бутерброд с колбасой салями удержат – не прогнутся.

Зоркая служительница буфета, однако, без труда обратила внимание на стопочку.

– Вы куда? – всполошилась она. – Мужчина, куда вам столько бумажных тарелочек? Положите на место! Положите немедленно, а то мне на зрителей не хватит.

Но Илюху ее призыв не остановил. Он только выдержал паузу, решая для себя – вдаваться в перепалку или избежать ее.

Конечно, он мог просто убежать с тарелочками под мышкой и схорониться между креслами в зале. Маловероятно, что бойцовая буфетчица оставила бы свой пост с салями и осетриной и пустилась бы в погоню ради тарелочек.

Но Илюха был не из тех, кто пускался наутек, он привык встречать препятствия грудью. А в данный момент препятствием была буфетчица. Поэтому Илюха вздохнул, набрал в грудь побольше воздуха и… призывно посмотрел на меня. Мол, давай, подключайся, это уже по твоей части.

Я и сам знал, что по моей, и потому подступил поближе, чтобы не афишировать на весь буфет. А потом сказал доверительно, немного смущаясь от деликатности темы.

– Да видите ли, тут конфуз такой вышел, – окинул я глазами недлинную очередь, подключая ее к конфузу. – Я сегодня со своей бывшей женой в театр пришел. У нас неравный брак был, в смысле возраста. Потому и развалилось все. Знаете, ей одно надо было, а мне совершенно другое. А то, что ей надо, я до конца ей дать не мог. Как-то давал, ухитрялся, но не до конца. Да оно и понятно, разница в возрасте. Ну что тут поделаешь… – Я вздохнул.

Очередь сразу закивала мне сочувственно и, крайне заинтересовавшись моими интимными признаниями, стала мне сопереживать. Прям все вместе, во главе с буфетчицей.

– Зато я театр очень люблю, – продолжал я. – Он ведь облагораживает, очищает. Вот, думал, в театр ее возьму, может, она и поймет. Может, и удастся все заново склеить. В конце концов, не постелью единой… – перефразировал я. – Она ведь, знаете, совсем молодая еще, еще истинных ценностей не понимает до конца. Ей бы все… Ну сами знаете, что сейчас двадцатилетним нужно… – Еще один вздох.

Тут, правда, один несдержанный из очереди попросил бутерброд с осетринкой, видно, не терпелось ему. И буфетчица отпустила, не отрывая, впрочем, от меня сочувственного взгляда.

– Так, понимаете, что получилось, – продолжал я, выждав отсчет сдачи. – Она, глупенькая, оделась совсем не для театра. Для дискотеки нормально было бы, но не для театра. Говорю же, молодая еще совсем. Она, видите ли, лифчик под кофточку надеть не удосужилась. А кофточка, как сейчас модно у них, просвечивает вся, особенно на уровне грудей. Особенно в свете софитов. Мы ж на первом ряду сидим. Спасибо товарищу, билеты хорошие достал. – Тут я показал на товарища, по-прежнему не отпускавшего стопочку тарелок.

– Так вот, к нам сейчас режиссер ваш, Марк Захарович, вышел в перерыве и сказал, делайте, мол, что угодно, но чтобы просвечивание на женской груди убрали. А то актеры жалуются, говорят, с текста сбивает. Да и вообще полностью нарушает их артистический настрой. Так он и сказал, Захар Маркович. Либо делайте, что хотите, либо извольте моментально покинуть театр. А как мы его покинем, когда жена лишь только-только начала в действие душой проникаться, рецепторами его впитывать… Боюсь, если уйдем сейчас, то так и не склеится у нас больше никогда. Вот товарищ, – я снова указал на Илюху, – и предложил тарелочки бумажные под кофточку заложить. Чем не чашечки от лифчика? И круглые и плотненькие, вот они просвечивание и остановят. Товарищ говорит, что у моей жены такая грудь упругая, она так плотно тарелки к кофточке прижмет, что они там, как родные, лягут. Хотя я понимаю, жестко ей, бедняжке, будет. И колко. У нее там все нежно так. А от театрального восторга еще пуще обострилось и чувствительней сделалось… Но ради театра… Вдруг склеим все же…

На этом месте я сбился и замолчал, и не знал, как продолжить. Впрочем, продолжать мне было ни к чему – очередь сопереживала мне больше, чем Настасье Филипповне с князем Мышкиным в первом действии.

– А зачем же вам их так много, тарелок-то? – все же не до конца поняла буфетчица, глядя на меня с тоскливой человеческой жалостью. – Для кофточки всего ведь две потребуется.

Тут мне снова пришлось задуматься. Потому как вот так с ходу найти оправдание многим тарелочкам я не смог. Вот если бы у моей бывшей жены было не две груди, а скажем… Но все это были лишь ненужные фантазии, особенно сейчас, когда очередь ждала от меня честного ответа.

– Так, понимаете ли… – начал было я.

Но Илюха опередил.

– Да гвоздь у меня в ботинке, – отрезал он жестко и с концами. – Я из остальных тарелочек стельки сейчас вырежу. У вас, кстати, ножниц не будет?

И не смотря на буфетчицу, как та виновато качает головой, он повернулся и стал покидать помещение буфета. А я за ним. И лишь краешком бокового зрения я успел заметить, как очередь провожала меня своим коллективным взглядом.

Что было в нем – сочувствие, сострадание, желание понять, разделить? А у некоторых, может быть, потребность помочь, исправить, пожалеть, пригреть? Про некоторых не знаю, но вот у буфетчицы было точно.

А две женщины, те которые со спутниками в очереди присутствовали, назидательно поглядели на своих спутников: вот, мол, смотри, какие мужчины заботливые попадаются. Чуткие, понимающие и заботливые. Вот как повезло его бывшей жене, жаль, что не ценит она. Хотя понятно, молодая еще. Для такого понимания годы должны пройти, жизнь должна научить. Вот как меня, например!

Мы пересекали с Илюхой фойе быстрым, маршевым шагом, а Илюха все цедил из себя недовольно:

– Слишком ты все-таки затянутый, стариканер. Затянутый и витиеватый. Расползаешься в подробностях. Я сколько раз тебе говорил, работать надо над

формой, оттачивать ее. Чтобы энергичная и сжатая была, как пружина, и била в самую сердцевину. Проще надо, проще и точнее.

Он выдержал паузу, похлопал себя по груди, проверяя, цела ли бутылка в кармане пиджака, и продолжил:

– Ну зачем так длинно про разбитую семью, про упругость груди, про то, что нежно у нее все там, у жены твоей? К чему излишняя лирика? Она, может, в зрительском воображении и рисует картинку, может, и на жалость бьет. То есть психологическая составляющая худо-бедно, но присутствует у тебя. – Тут Илюха остановился и заглянул мне в глаза. – Но как насчет другой составляющей? Как насчет эффективности? А?

Я уже знал, как возразить, но решил повременить. Решил дать Илюхе закончить.

– Чашечки от лифчика, как видишь, не эффективными оказались. Не то что грубый гвоздь в ботинке. Сам подумай: гвоздь – это просто и доходчиво. Всем понятно. И решает тарелочную проблему без всяких твоих психологических завихрений. Понимаешь, эффективно.

Тут он снова заглянул мне в глаза и добавил:

– Слишком ты все-таки формой увлекаешься, и все в ущерб содержанию. А как классик говорил: «Простота – сестра таланта».

– Старикашка, – окликнул я его наконец, – это «краткость – сестра таланта». А «простота», она сам знаешь хуже чего…

Мы бы еще постояли, поспорили над формой и содержанием – все же разные подходы всегда в искусстве существовали и всегда подобные споры вызывали. Вот например, Мандельштам с Маяковским…

Но тут нас нагнали Зина с подругой. Они были удивленные, озадаченные, не понимающие до конца, и все это было написано на их разгоряченных лицах.

– Так ты женат? – бросила мне с ходу одна из женщин. – А где же она, в туалете, что ли, прячется?

А вот подруга вела себя значительно скромнее. Она подошла и взяла меня за руку. В ее касании была доверительность, а еще искренность, а еще желание помочь.

– Знаешь, – сказала она, – если у нас с твоей женой размер совпадет, то я ей свой лифчик могу одолжить. У меня кофточка плотная, просвечивать не будет, я проверяла. Даже со стороны никто не заметит. А то, знаешь, тарелочки, они все-таки колкие очень и жесткие. Неудобно ей будет, изведется вся, особенно если грудь нежная, нерожавшая. Кто вообще такое про тарелочки придумать мог? Кто надоумил тебя?

Тут она бросила возмущенный взгляд на Илюху, который просто сдавливал себя, просто наступал себе на горло, чтобы сохранить хоть какую-то серьезность на лице.

– А ты говоришь «витиеватость», «длиннота», «неэффективность», – вернул я его к нашему недавнему спору про форму и содержание. – Вот оно, настоящее искусство в действии, вот он, психологизм! Какие чудеса может творить! А ты говоришь: «гвоздь в ботинке». Не канает твой гвоздь по сравнению с истинным знанием жизни.

И, глядя, как Илюха разводит руками, признавая свою неправоту, я снова обратился, но уже к стоящим рядом женщинам:

– Да не волнуйтесь вы. Нет у меня никакой жены. И лифчика тоже нет. И вообще, придумали мы все это. Нам просто много тарелочек надо было. А вот зачем, я не знаю. Стариканчик, – обратился я к Илюхе, – зачем нам тарелочки?

– Нужны нам тарелки, нужны. План у меня, – поделился Илюха. – У вас, девушки, кстати, фломастера не найдется?

Фломастера у них, как ни странно, не нашлось. Но нашелся косметический карандаш для подведения ресниц, или для чего там подведения – не знаю точно, никогда не подводил. И он тоже мог писать вполне жирно, никак не тоньше фломастера. И они, Зина с подругой, с легкостью пожертвовали его Илюхе, ну хотя бы из благодарности за отсутствующую у меня жену.

– Ты чего делать-то собираешься? – поинтересовался я, пытаясь поспеть за ускоренным шагом моего товарища.

– Видел, что они учинили, садисты, – снова приостановил шаг товарищ. – Заточили девушек за кулисами и на свободу их добровольно не пускают. Ну что ж, будем тогда силой отбивать девушек у сторожащего их недремлющего дракона.

– У Григория Марковича, что ли? – уточнил я.

– Ага, у него самого. У недремлющего дракона, Марка Григорьевича.

– У трехголового? – снова уточнил я.

– Вот этого не знаю, – признался Илюха. – Живьем я его пока еще не видел.

– И что делать будем?

– А что нам делать? Нечего нам делать. А раз делать нечего, то переходим от дела к слову, – шиворот-навыворот перевернул Илюха народную мудрость.

– К какому слову? – снова поинтересовался я.

– К печатному, – прищурился в ответ Илюха, указывая на тарелочки под мышкой.

– Театральная стенгазета? – откликнулся я с поддержкой. – Из искры да возгорится пламя!

– Да, да, батенька, – неумело програссировал на согласных Илюха. – Пренепременнейшим образом. Девчонок мы снимем прямо со сцены.

– Анастасию с Натальей? – уточнил я.

– Именно их. И прямо со сцены, – подтвердил Илюха и снова двинулся вниз по узкому коридорчику. Прямо туда, где приосанились у сцены наши пока что пустующие стулья.

– Итак, – провозгласил Илюха, когда зал расселся, затих и притух светом, – что делать – понятно: будем писать на тарелках разные призывные фразы и показывать их Насте и Наташе.

– Лозунги, одним словом, – подхватил я.

– Не обязательно лозунги, – не согласился Илюха. – Разные формы будем искать. Главное, чтобы на тарелках крупно написано было и, главное, чтобы Насте с Наташей прямо перед глазами постоянно маячило. Таким вот сигнальным семафором. Ты, стариканер, на второй акт сигнальщиком назначаешься. В принципе нашу переписку из зала никто даже и не заметит, так как мы спиной к залу. Вопрос в другом – что именно будем писать? Какие нам слова верные подыскать, чтобы до их девичьих сердец достучаться?

– Да, – согласился я, – надо, чтобы кратко и емко было. Кратко, потому что на тарелках много не поместится, а емко, чтобы…

Я подумал, как объяснить емкость, и решил, что ее объяснять не надо. Емкость – всегда хороша.

– Ну вот, давай думать. Это как раз по твоей части, в смысле слов и выражений. Давай создавай новую литературную форму – свежую, новаторскую. Как бы ее назвать?

– Художественная роспись по бумажному блюдцу, – предложил я.

– Да хоть бы и так, – одобрил Белобородов, и мы стали думать над новой формой.

А пока мы думали, уже и спектакль начался, и актеры вывалили на передок сцены и снова принялись представлять. А вот и наша любимая группа поддержки показалась на заднем плане. Да еще в таких свободных материях, через которые, когда они стройно расставляли ноги или, наоборот, воздымали руки, прожекторный свет выбивал совершенно отчетливые детали контуров тел. Но и не только контуров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/toss_anatoliy/pochti-zamuzhnyaya-zhenschina-k-seredine-nochi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить